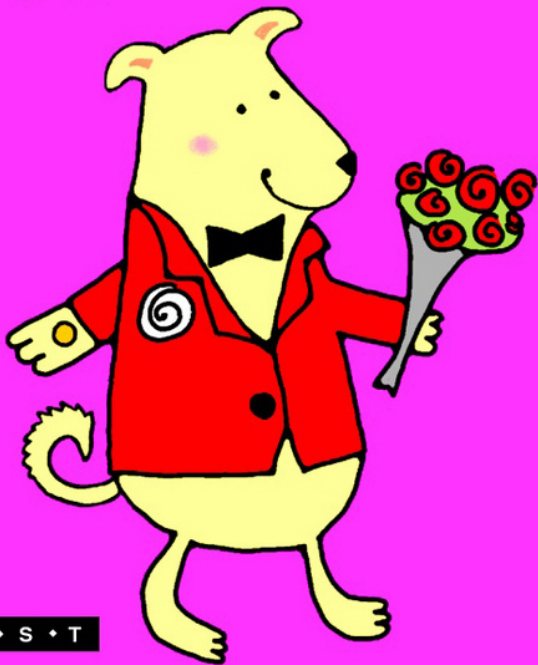

Екатерина
ВИЛЬМОНТ

Бред сивого
КОБЕЛЯ

A • S • T

Екатерина Николаевна Вильмонт

Бред сивого кобеля

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=127789

Бред сивого кобеля: АСТ, Астрель, Олимп, Харвест; Москва; 2006

ISBN 5-17-031984-3, 5-271-12208-5, 5-7390-1723-8

Аннотация

Казалось бы – что нужно женщине для счастья? Любящий муж, богатый дом... Но рядовой поход в гости к свекрови перевернул всю ее жизнь. Нежданно-негаданно она встретила там Его. И утонула в его глазах, и забыла обо всем. Хотя... у нее нет права его любить.

Содержание

Пролог	4
Часть первая	14
Глава первая	14
Глава вторая	23
Глава третья	35
Глава четвертая	53
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Екатерина Вильмонт

Бред сивого кобеля

Пролог

- Кто это? – спросил Алексей, увидев в мастерской матери портрет, нарисованный сангиной.
- Туся, – рассеянно ответила мать.
- Какая Туся? Кто она?
- Бывшая балерина. Что, хороший рисунок?
- Чудо!
- Рисунок или модель?
- Не знаю. Глаз не оторвать.
- Она на пять лет старше тебя.
- При чем тут возраст? Я же не собираюсь...
- А по-моему, как раз собираешься, – засмеялась Нина Михайловна.
- Дашь мне ее телефон?
- Лешик, с ней не надо играть. Она травмирована...
- В каком смысле?
- И в буквальном, и в переносном. Она прелесть, но не для тебя. Да и ты не для нее.
- Мать, мы, кажется, условились: ты в мою личную жизнь не лезешь. Как и я в твою.

– А я не лезу. Просто не считаю ее пока частью твоей личной жизни. К тому же ты ревнивый, а она безумно нравится мужикам.

– Хочешь сказать, что в ее лице я приобрету лишнюю головную боль?

– Для популярного журналиста ты выражаешься чересчур неуклюже.

– Ладно, мать, ты скажи – дашь мне ее телефон?

– Не хотелось бы, но ты ведь все равно узнаешь, если захочешь.

– За что я тебя люблю, мать, так это за ум, – и он чмокнул ее в щеку. – А адрес ты знаешь?

– Вот чего не знаю, того не знаю.

Он явился к Тусе с букетом роз. А ее не было дома. Я идиот! И дернул меня черт явиться сюда без звонка. А вдруг у нее противный голос? Вдруг она скучная, глупая, без чувства юмора, да еще и неряха? Правда, мать сказала, что она прелесть. Но это на женский взгляд.

Он в задумчивости сел на ступеньку, не очень понимая зачем. Ждать ее? Делать мне, что ли, нечего? Я полный кретин. Увидел портрет – и помчался. Мне завтра статью сдавать... А может, ее вообще нет в Москве?

– Послушайте, зачем вы терзаете розы? – раздался вдруг низкий женский голос. – Вы кого-то ждете?

Он поднял глаза и обомлел. Это была она. Каштановые

с рыжинкой волосы, зеленовато-карие, чуть раскосые глаза, словно бы припухшие губы. Такое очарование во всем облике... Мать – гений, мелькнуло у него в голове.

– Вы, наверное, к Ляле?

– Нет, я к вам...

– А зачем розы общипали?

– Ой, я задумался, простите! – Он вскочил.

Она, стоя на несколько ступенек ниже, смотрела на него снизу вверх, и в глазах была такая беззащитность, что у него внутри все перевернулось.

– А вы кто? Мы разве знакомы? У меня вообще-то хорошая зрительная память...

– Нет, мы не знакомы, вот я и пришел исправить эту досадную ошибку. Меня зовут Алексей, Алексей Майоров. Я сын Нины Михайловны Воронко.

– Да? – радостно улыбнулась она.

Я пропал, подумал он.

– Тогда пойдёмте, я вас чаем напою.

– А можно кофе?

– Кофе у меня нет, – вдруг страшно смутилась она.

– Можно и чай...

– Понимаете, я не люблю кофе, а покупать для гостей...

У меня и гостей-то почти не бывает...

– Теперь будут. Я буду ходить к вам в гости.

– Зачем?

– Хочется.

Она засмеялась и открыла дверь. У нее была маленькая однокомнатная квартирка, скромная, чтобы не сказать бедная, но сверкающая чистотой.

– Раздевайтесь, пожалуйста, только обувь не снимайте.

– Но у вас такая чистота...

– Ничего, грязь с полу вытереть несложно, а мужчин в носках я терпеть не могу.

– Позвольте ваше пальто...

Он взял у нее пальто, повесил на вешалку, потом снял куртку.

– Розы безнадежно испорчены? – смущенно спросил он.

– Да нет, три штуки придется выкинуть, а остальные в порядке. Красивые, жаль, недолго простоят...

– А я вам еще принесу...

– Зачем я вам понадобилась вдруг?

– Честно?

– Ну конечно.

– Я влюбился... сначала в ваш портрет у мамы... А сейчас уже по уши втюрился в вас... вы в жизни еще в сто раз лучше.

Ее смех был низкий, волнующий, зазывный. У него голова шла кругом.

– Да вы сядьте. Сейчас заварю чай, у меня есть сушки и крыжовенное варенье. Хотите?

– Хочу.

– Послушайте, а сколько вам лет?

– Двадцать восемь.

– У-у-у!

– Что?

– А мне тридцать четыре почти.

– Ну и что?

– Я стара для вас.

– Господи ты боже мой! – воскликнул Алексей. – Какую чушь вы городите! Не все ли равно – сколько вам лет?

– Мне – не все равно, – отчеканила она. – Я так не хочу...

– У вас кто-то есть? – вдруг смертельно испугался он. До этой минуты ему и в голову не приходило, что она не одна.

– Есть, – не слишком уверенно проговорила Туся.

А он понял – врет. Таких беззащитных глаз не бывает у женщин, когда у них есть любящий мужчина. Несмотря на относительную молодость, он уже это знал.

– И он любит вас?

– А вам что за дело?

– Вы хотите, чтобы я ушел?

– Да.

– А если не уйду?

– Тогда уйду я.

– Куда?

– Куда-нибудь.

– Послушайте, Туся... А кстати, как вас зовут? Татьяна?

– Нет, Наталья.

– Вам идет имя Туся. Послушайте, выходите за меня за-

муж!

– Замуж? – Она покрутила пальцем у виска.

– А что тут такого? Я обещаю оберегать вас, хранить...

– Как древнюю реликвию, что ли?

– Нет, как любимую женщину!

«Остапа несло», – вспомнил он вдруг фразу из Ильфа и Петрова. Что я делаю?

– Леша, знаете что, ступайте домой, к маме, и забудьте все... А то потом самому же будет стыдно.

– Стыдно? – вдруг вскипел он. – Чего мне стыдиться? Да я как увидел ваш портрет, просто с ума спятил...

– Ну так то портрет... Попросите маму отдать его вам и успокойтесь.

– Мне портрета мало, мне нужны вы...

– Это уже сказка про белого бычка.

– Значит, вы гоните меня?

– Не гоню, это было бы невежливо... Но скажем так – я вас не звала.

– Понял. Ну что ж, для первого знакомства не так уж плохо. Я уйду, но вернусь.

И он ушел.

– Мать, скажи, на что она живет?

– Кто? – рассеянно отозвалась Нина Михайловна, помещивая что-то на сковороде.

– Туся.

Нина Михайловна быстро уменьшила огонь и внимательно посмотрела на сына.

– Мать, я задал тебе вопрос.

– Честно говоря, не знаю. Я познакомилась с ней в редакции одного глянцевого журнала. Но что конкретно она там делает, не знаю.

– Но ведь ты рисовала ее портрет... Вы что, ни о чем с ней не говорили?

– Почему? Говорили. Я спросила: правда ли, что у нее был роман с Мак-Лейном?

– С каким Мак-Лейном? – испугался он.

– С тем самым, голливудским.

– Митчел Мак-Лейн? Знаменитый актер?

– Ну да.

– Где она его взяла?

– А он тут снимался. Что, уже ревнуешь? А кстати, почему ты так заинтересовался ее жизнью? Ты что, уже виделся с ней?

– Представь себе.

– И что?

– Подожди, что она тебе ответила?

– О чем ты? – растерялась Нина Михайловна.

– Ну насчет Маклейна... У них правда был роман?

– Был. Так что тебе там вряд ли что-то светит.

– Это мы еще посмотрим!

– Слушай, Лешка, а ты что, так прямо взял и заявился к

ней?

– Ага, взял и заявился. С розами.

– А она что?

– Удивилась. Но когда я сказал, что я твой сын, даже обрадовалась. И чаем напоила.

– Ты же не пьешь чай!

– А у нее нет кофе. Я так понял, что ей не на что его купить.

– Может, и так.

– А этот, голливудский... Он что, ей не помогает?

– Видимо, нет. Я не знаю. Но она сказала, что они расстались. Она поняла, что он ей чужой... А еще она говорила, что продала браслет, им подаренный, и купила компьютер. И сколько-то времени жила на эти деньги. И еще, что этот роман принес ей одни неприятности. В театре чуть не сдохли от зависти.

– Она что, кордебалетная?

– Да нет, она была, что называется, корифейкой. А в тридцать получила травму на репетиции и уже не смогла вернуться на сцену. Лешка, она ранимая, одинокая, не слишком приспособленная к жизни. Не надо с ней играть.

– Не собираюсь.

– И слава богу.

– Я собираюсь на ней жениться. И уже сделал предложение.

Нина Михайловна оторопела.

– А она что?

– Практически прогнала меня.

– Ну и умница.

– А я все равно на ней женюсь. Я возьму ее штурмом. Или осадой. Но она будет моей женой. И не вздумай напоминать, что она старше меня. Мне на это плевать.

– Ну что ж, после твоей Верочки мне уже ничего не страшно.

Нина Михайловна молча поставила перед ним тарелку супа.

– Ешь, Лешик.

Он съел несколько ложек, потом решительно отодвинул тарелку.

– Слушай, мать, скажи-ка мне, как вы, бабы, реагируете...

– На что?

– На штурм, например...

– По-разному. Зависит от бабы.

– Ну есть же, наверное, какой-то стереотип?

– Отвяжись, Лешик, устраивайся сам. Ты уже большой мальчик. Но один совет, пожалуй, могу дать...

– Я весь внимание!

– Повторяй свои попытки. Приходи, дари цветы. Женщинам это всегда приятно. И если результат будет тот же, исчезни на какое-то время. Внезапно. Вдруг. И она непременно встревожится, начнет думать о тебе. Невольно.

– Ты это сама придумала?

– Да нет, твой папаша действовал со мной именно так. А недавно я прочла подобный совет в «Оракуле».

– Мать, ты читаешь такие газеты? – безмерно удивился Алексей.

Нина Михайловна покраснела.

– Раньше не читала. Но с тех пор как Люська нашла себе мужика, последовав совету этого самого «Оракула», иногда читаю.

– Ты что, тоже мужика ищешь?

– Может, и ищу!

– Ты у меня грандиозная женщина!

– Просто я еще совсем не старая, Лешик. Мне всего-то пятьдесят. В наше время это не возраст.

Часть первая

Глава первая

*Она была еще любима,
Но ей уже не повезло.
Из песен Б. Абарова*

Телефон зазвонил, когда Туся открывала почтовый ящик. Она дернулась, уронила ключи и стала судорожно шарить в сумке. Мобильник, как назло, не попался, продолжая играть песню Сольвейг. Но когда наконец она схватила его дрожащее тельце, он умолк. Черт бы его побрал. Почему-то она была уверена, что этот звонок не предвещал ничего хорошего. Номер не определился. Может, ошибка? Она сунула мобильник в карман пальто, достала из ящика газеты, подобрала с полу ключи и сумки и, тяжело вздохнув, направилась к лифту. Сегодня с самого утра она ждала какой-то неприятности. Может, все дело в отвратительной погоде? Скорее всего. Снег с дождем, ледяной ветер, под ногами грязная каша. Словом, зима в Москве. Однако, войдя в квартиру, она вздохнула с облегчением. Тепло, чисто, уютно. Они с Алексеем купили эту квартиру два года назад, и она обожала здесь все – плитку в ванной, шкафы на кухне. Со стиральной и по-

судомоечной машиной она даже разговаривала. Когда посудомойка громко возвещала о конце работы, Туся спешила к ней со словами:

– Иду, иду, моя ласточка!

Она успела снять только один сапог, когда опять запел мобильник. Она выхватила его из кармана:

– Алло!

– Наталья Дмитриевна? – спросил незнакомый женский голос.

– Да.

– Слушай, ты, старая кошелка! Полакомилась молодым мужиком, и хватит! Ты и так уж давно на пенсии, а скоро тебя и муж проводит на заслуженный отдых, так что советую первой уйти. Чтобы не было так мучительно больно.

И наглая баба бросила трубку. Номер опять не определился. Туся стояла посреди прихожей, сжимая в одной руке снятый сапог, а в другой мобильник. Потом рухнула на пуфик.

Вот оно, то, чего я так боялась все эти годы, что мешало мне быть счастливой на всю катушку. Только я не могла предположить, что это будет так нестерпимо вульгарно... Неужели Алексей мог связаться с подобной бабой?

Опять зазвонил телефон, на сей раз домашний.

– Я слушаю.

– Тусенька, что у тебя с голосом? – встревоженно спросила свекровь.

– Ничего, просто погода гадкая.

– Ты разве метеопатка?

– Не знаю...

– Ты мне не нравишься.

– Похоже, не только вам.

– Что? Что-то случилось? С Лешкой поссорились?

– Нет, что вы... Его вообще нет в Москве.

– А где же он?

– Сказал, что едет в Питер, а там кто знает...

– Это что, приступ ревности?

– Нет, приступ реализма.

– Слушай, давай пообедаем где-нибудь вместе.

– Спасибо, Ниночка, но, ей-богу, не хочется.

– Ерунда. Через полчаса я за тобой заеду. Будь добра, приведи себя в порядок. И я не желаю слушать никаких отговорок. Все!

Нина Михайловна не на шутку встревожилась. Она нежно любила свою невестку и считала, что Туся пробуждает в ее сыне все самое лучшее. Ее до сих пор кидало в жар, когда она вспоминала, каким чудовищным хамом он мог быть со своей первой женой Верой. Правда, в глубине души она полагала, что по-другому с этой особой нельзя, ибо человеческого языка она попросту не понимает. И все же Алексею не следовало бы опускаться до ее уровня. Туся совсем другое дело. Хрупкая, нежная, предельно женственная и, что немало важно, хорошо воспитанная. К тому же она оказалась еще и отличной хозяйкой. В доме все сверкало, в холодильнике

всегда было что-нибудь вкусное, и получалось это у нее как-то само собой, ненатужно. И даже когда Алексей устраивал ей сцены ревности, что бывало не так уж редко, он никогда не позволял себе хамить. Туся умела с ним обращаться и, кажется, по-настоящему его любила. Первые три года они прожили у Нины Михайловны, а Тусину квартиру сдавали, и она подружилась с невесткой. Они нередко секретничали на кухне. Нина Михайловна рассказывала Тусе о своих романах, прошлых и настоящих. Но сегодня, похоже, что-то случилось. У Туськи такой потерянный голос...

Подъехав к дому сына, Нина Михайловна позвонила невестке:

– Туська, спускайся, я тут! Едем обедать.

– Ниночка...

– Ничего не желаю слушать!

Через пять минут появилась Туся.

– Привет!

Они поцеловались.

– В чем дело? Что с тобой? Ты не захворала? – вдруг ужасно испугалась Нина Михайловна. – Ты была у врача?

– Нет. Я здорова. По крайней мере физически.

– Ну и слава богу! Ну, куда поедем?

– Мне все равно.

– Знаешь, мне рекомендовали один погребок... Там вроде бы старорусская кухня... Хотя нет, в мерихлюндии лучше есть что-нибудь легкое. Туська, ты что, ревешь? – пере-

пугалась Нина Михайловна, заметив, что по щеке невестки катятся слезы. Она резко затормозила. – Выкладывай, в чем дело? Лешка что-то натворил?

Туся, всхлипывая, рассказала о звонке.

– Ну и что? – довольно жестко спросила Нина Михайловна.

– Как что?

– А так! Подумаешь, муж изменил! Покажи мне такого, который не изменяет! Ты что, заметила, что он стал к тебе хуже относиться?

– Да нет...

– Он спит с тобой?

– Да.

– Ну так мало ли что бывает! Ну сбляднул где-то, а баба губы-то и раскатала. Это, знаешь ли, способ старый как мир – ввести жену в курс дела. Авось она под горячую руку выгонит муженька, а он притащится к любовнице, просто потому что... С досады, одним словом. Или если жена не выгонит, то начнет отравлять ему жизнь. Ну сама, что ли, не знаешь?

– Боже, Ниночка, но если б вы слышали этот голос, этот тон...

– Тем более! Лешка не любит вульгарных баб. Между прочим, скорее всего, такие звонки обычно поручают подругам. А тон и голос были выбраны нарочно, так сказать, для психологического подавления противника. И похо-

же, это сработало.

– Думаете, я не понимаю? Но я ведь старше...

– Пять лет не разница!

– Разница, еще какая разница! И эта стерва ударила в самое больное место... Сказала, что я старая кошелка...

– Дура ты, а не кошелка. Мне вот пятьдесят шесть, у меня самый что ни на есть пенсионный возраст, а я вовсе не считаю себя старой кошелкой. Отнюдь! Поверь, сорок лет – это самый лучший возраст. И у тебя еще все впереди.

– Что у меня впереди? – сквозь слезы улыбнулась Туся.

– Ну я не знаю... Может, какой-то офигительный роман...

– Ниночка, вы что говорите? Какой роман? А Лешка?

– Я, наверное, нетипичная мать... Я, конечно, понимаю все, но ты... Любой женщине нужен роман. И я бы тебя осуждать не стала. Знаешь, измены нужны в браке как воздух... В прямом смысле слова. А то отношения могут задохнуться...

– Да уж, вы совсем нетипичная мать, а главное, нетипичная свекровь, – покачала головой невестка.

– Кстати, ты помнишь, что у меня через неделю день рождения?

– Ну еще бы.

– Ты мне поможешь по хозяйству?

– Что за вопрос!

– Отлично!

– А народу много будет?

– Да нет, человек семь, с нами десять. Ну на всякий случай будем рассчитывать на двенадцать. Ты составь приблизительное меню, а я посмотрю...

– Ниночка, что там составлять? И так все известно.

– Тоже верно, но хотелось бы чем-нибудь все-таки удивить гостей. У тебя есть идеи?

– Надо подумать.

– Вот-вот, ты подумай, а я хочу тебе посоветовать...

– Да?

– Не говори ничего Лешке. Притворись, что ничего не было.

– Я притворюсь... Если сумею.

– Сумеешь. Ты просто должна выкинуть это из головы. Не думать, не травить себе душу. Я уверена, это все чепуха. Не обращай внимания. Лешка же тебя любит. Он тебя полгода добивался... Я тогда просто поражалась... Да ерунда все это! Наплюй!

– Постараюсь.

Алексей вернулся из Питера и привез неоспоримое доказательство того, что он там действительно был, – подарок от старой Тусиной подруги – дивной красоты скатерть с анютиными глазками разных цветов. Надя преподавала в Ваганьковском училище, а в свободное время потрясающе вышивала. Но через два дня, когда Туся кормила Алексея ужином, зазвонил ее мобильник. Номер опять не определялся. И все-

таки она ответила, сама не зная зачем.

– Ну, старая калоша, сделала выводы? Ты не думай, я от тебя не отстану...

Туся решительно протянула трубку мужу, приложив палец к губам. Послушай, мол. Он взял трубку и вдруг побледнел, потом покраснел и рявкнул:

– А ну заткнись, падла!

И отключил аппарат.

– Это что, не в первый раз?

– Нет, не в первый.

– А ты и поверила?

Она только пожала плечами в ответ.

– Ну и дура! Знаешь, кто это? Я недели две назад уволил одну девку, а она в ответ орала, что мне это выйдет боком. Вот и придумала, как отомстить.

– Лешик, это правда?

– А почему ты молчала? Поверила, да?

– А что я должна была думать? Ты же мне не рассказывал, что уволил кого-то и что тебе грозились отомстить.

– Ты ревновала, Туська?

– А ты как думаешь?

– Тусечка, любимая моя, ты же знаешь, мне никто, кроме тебя, не нужен, тем паче такая вульгарная наглая тварь.

– Кто тебя знает... – с невероятным облегчением проговорила она.

– И пожалуйста, если впредь что-то подобное повторится,

сразу скажи мне. Обещаешь?

– Обещаю, Лешик.

Глава вторая

*...Когда летит за организмом
Другой нехилый организм...*

Из песен Б. Абарова

В день рождения свекрови Туся с утра поехала к ней.

– Привет, дорогая, – встретила ее Нина Михайловна. –

Только ты можешь меня спасти!

– Что случилось? – спросила Туся, с удивлением оглядывая свекровь. Та была, что называется, при полном параде. –

Куда это вы намылились?

– Туська, у меня свидание!

– С утра пораньше? – улыбнулась Туся.

– Он пригласил меня на завтрак! Это так романтично! Ты не думай, я тут многое уже сделала, и я недолго...

– Вы так меня огорошили, что я вас даже не поздравила. Вот тут наш с Лешкой подарок... А цветы он вечером купит.

И Туся вручила свекрови антикварную вазу фирмы Галле. Туся знала, что свекрови хотелось ее иметь. Та мгновенно распаковала подарок, радостно вскрикнула, расцеловала невестку и, уже натягивая шубу, сказала:

– Ты не думай, я в восторге, но по-настоящему буду радоваться потом. После свиданки!

И она умчалась.

Туся только головой покачала. И даже слегка позавидова-

ла. Потом подошла к зеркалу. Да, на вид мне больше тридцати трех, наверное, не дашь. Но ведь время неумолимо. Конечно, сейчас есть куча средств и способов оттянуть старение. Можно даже сделать пластическую операцию, но что может заменить оживление и восторг от предстоящего свидания? Вон Ниночке пятьдесят шесть, никаких пластических операций она не делала, а как волшебным образом преобразилась сегодня... Она свободная женщина, и это, наверное, правильно. Может, пока не поздно, и мне освободиться? Уйти от Лешки самой? Что называется, пока не попросили. Но я же его люблю... А люблю ли? Или просто держусь за него? Вернее, судорожно цепляюсь? Нет, наверное все-таки люблю, раз цепляюсь... Но ведь конец ясен. Рано или поздно, он увлечется молодой. А если вдруг захочет детей? Тут уж я совсем буду бессильна. А квартирка моя, к счастью, сохранилась. И даже приносит доход... Надо, наверное, как-то готовить пути к отступлению. А главное, надо приучить себя к мысли о самостоятельной жизни...

Приняв это благое решение, она пошла на кухню – ставить тесто. Попыталась изменить направление мыслей, но это плохо получалось. И все как-то валилось из рук. Молоко убежало, в кухне отвратительно воняло пригоревшим молоком.

О, черт, так нельзя, вечером будут гости, и все они будут ждать ее знаменитых пирогов с мясом. Надо взять себя в руки. Она пошла в комнату и принесла на кухню магнитофон,

поставила Высоцкого, они с Ниночкой его обожали и всегда защищали от Лешки, который его не любил. Стало легче. Она замесила тесто и хотела было достать мясорубку, но обнаружила, что Ниночка мясо уже прокрутила. Она поставила сковородку на огонь, положила немного масла и вспомнила, что надо сперва нарезать лук. Пришлось выключить газ. И в этот момент в дверь позвонили.

– Кто там? – на всякий случай спросила Туся.

– Простите, а Нина Михайловна дома? – раздался незнакомый, но очень приятный мужской голос.

Туся глянула в глазок и увидела какого-то человека с цветами. Еще поклонник, усмехнулась она про себя и открыла дверь.

Там стоял немолодой мужчина, хорошо одетый, подтянутый и странно загорелый для этого времени года.

– Здравствуйте, – произнес он. И подумал: «Боже мой!»

– Здравствуйте, – ответила Туся и подумала: «Господи помилуй!»

Мужчина жадно всматривался в ее лицо и молчал.

Она тоже молчала, взволнованная этим взглядом.

Он первым пришел в себя.

– Простите, а Нина Михайловна... Она здесь живет?

– Да-да, ее просто сейчас нет дома.

В этот момент раздался какой-то грохот.

– Ой, что это! – воскликнула Туся и кинулась на шум. – Какой ужас!

Зеркало, висевшее в ванной комнате на двери, упало и разбилось в мелкие осколки.

– Что стряслось? – подошел сзади незнакомец.

– Зеркало разбилось... Ни с того ни с сего. Это такая ужасная примета, а у Ниночки сегодня день рождения.

Глаза Туси были полны слез.

– Быстро собираем осколки! – распорядился мужчина. – Тут у вас на углу я заметил зеркальную мастерскую. Какого размера было зеркало?

Туся беспомощно развела руками. А он подошел к двери и пятерней стал мерить след, оставленный зеркалом, висевшим тут уже долгие годы.

– Не надо слез! Я быстро обернусь. Когда Ниночка вернется?

– Она только недавно ушла... Я думаю, часа через два-три.

– Успеет! Я пошел!

И он исчез.

Господи, что это все было? Кто этот человек? Наверняка еще один Ниночкин поклонник. Ну она молодец! А до чего ж он... хорош... Мне бы такого. И она принялась собирать осколки. Неужели он действительно принесет зеркало? Наверное, он ее любит, вон как бросился... И сообразил... И мастерскую заметил... Видно, часто тут бывает... А Ниночка про него не говорила... Может, это страшная тайна? Ой, надо же поставить цветы... Красивый букет... Я вот со-

бралась готовить себе пути к отступлению. А как же Ниночка? Она готова простить мне любой роман, но если я просто уйду... Она может не понять.

Собрав осколки и поставив в вазу цветы, она в задумчивости побрела на кухню, принялась резать лук и, разумеется, порезала палец. Не сильно, но все-таки. Что за день сегодня? А главное, почему разбилось зеркало? Видимых причин не было. Неужто просто к несчастью? Только бы этот мужик успел... Как он мне понравился, я совсем обалдела... Наверное, если бы зеркало не разбилось, а он протянул бы мне руку, я бы бросилась к нему... Хотя и вижу его впервые в жизни. Она закрыла глаза и представила себе, как он обнимает ее. Голова пошла кругом. Я что, спятила? Окончательно и бесповоротно? Кажется, да. Но наконец она справилась с собой и приготовила начинку для пирога. Потом взялась раскатывать тесто.

Пирог оставалось только посадить в духовку, когда опять раздался звонок. Туся задрожала и бросилась к двери.

На пороге стоял незнакомец и какой-то мужичонка с чемоданчиком в руках.

– Вот, я мастера привел, я мог бы и сам, но так будет быстрее.

– Спасибо огромное! Я так боюсь, что Ниночка узнает...

Она думала, что он сейчас уйдет, но вместо этого он снял пальто. Ой, сказала про себя Туся. Он, наверное, хочет дождаться Ниночки... Как я с ним буду? Он же может что-то

понять... А я не сумею скрыть... Вот позорище-то будет.

– Вы проходите в комнату, я вам кофе сварю...

– Да нет, спасибо, не стоит...

– Тогда, может, чаю?

– Ну, если... Тогда лучше кофе... – каким-то странным тоном произнес он.

А она поняла, что он тоже волнуется. И ей стало страшно. Скорее бы Ниночка вернулась, что ли...

– Ниночка все-таки заметит, что зеркало другое, новое.

– Да никогда в жизни! А если вдруг... Скажите, что протерли его каким-то особым составом. Она поверит.

– Вы думаете?

– Убежден.

– Я сейчас...

– Куда вы?

– Кофе сварить...

– Не надо, не уходите... Вы балерина?

– Как вы догадались?

– Вы так двигаетесь, ногу ставите... Выворотность опять же. Где вы танцуете?

– Уже давно нигде.

– Я так и понял... У вас есть тело...

Она так смутилась, что даже жарко стало, оттянула ворот джемпера и сделала шаг к двери.

– Не надо кофе, не уходите, – повторил он.

Она покорно опустилась на стул, не глядя на него.

– Что это у вас на руке? – спросил он каким-то севшим голосом.

– Где?

– Да вот...

Она увидела на ребре ладони кусочек присохшего теста.

– А, это тесто. – Она хотела скovyрнуть, но он схватил ее за руку.

– Всю жизнь обожал присохшее сырое тесто... – Он поднес ее руку к губам и зубами поскреб ребро ладони.

У Туси задрожали ноги и потемнело в глазах.

– Что вы делаете? – пролепетала она.

– Одну миллионную долю того, что хотел бы сделать...

Пошлость, почему-то мелькнуло у нее в голове. Однако эта мысль нисколько ее не отрезвила. Он не отпускал ее руку и теперь целовал в ладони.

– Не надо, – взмолилась она. И тут же выдала себя, добавив: – Здесь же мастер...

Его глаза так загорелись, что она обмерла, чувствуя, что ее спасает только присутствие постороннего.

– Хозяева, принимайте работу!

Господи, что же теперь будет?

Незнакомец отпустил ее руку и вышел в коридор.

– Ну что ж, братец, все нормально. Спасибо!

«Братец», как ненатурально звучит... В этот момент хлопнула входная дверь.

– Отлично, Нина ничего не заметит. Идите посмотрите

сами.

Она вышла в коридор. Дверь ванной комнаты была открыта, и новое зеркало от старого практически ничем не отличалось. Обычное зеркальное полотно без рамы.

– Здорово! Спасибо вам огромное. Сейчас я его еще протру, а то оно заляпанное...

– Успеется! – совсем охрипшим голосом произнес незнакомец.

Она обернулась, встретилась с ним глазами и тут же очутилась в его объятиях.

Когда туман стал рассеиваться, в памяти почему-то всплыла фраза, которую она слышала в детстве от дачной хозяйки в деревне Репихово, та говорила о своей непутевой дочке: «Каждому готова свою мандюшку предоставить!» Вот и я тоже, предоставила первому встречному... Но раскаяния она не ощущала. Ей было весело и в тоже время жутковато. Я ведь даже не знаю, как его зовут.

И словно в ответ на ее мысль, раздался голос:

– Я даже не спросил, как тебя зовут.

От звуков этого голоса она опять задрожала и окончательно пришла в себя. Они лежали на ковре в большой комнате, вокруг валялись предметы их туалета. А Туся боялась взглянуть на новоявленного любовника.

– Туся, – ответила она. – А вообще-то Наталья Дмитриевна.

– Наталья Дмитриевна, ты самая восхитительная женщина на свете.

Он взял ее руку и поцеловал.

– А который час? Я что-то не вижу своих часов, – пробормотала Туся.

– Ты, вероятно, оставила их на кухне. Да посмотри же на меня!

Он силой повернул ее к себе. Она не могла спокойно видеть его лицо, терпеть его прикосновения. Я схожу с ума!

– Скоро может вернуться Нина! – вдруг вспомнила она и попыталась вырваться.

– Да нет, живи спокойно. Нина всегда и всюду опаздывает. К тому же я закрыл дверь на цепочку.

Он, наверное, принял меня или за блядь, на которой пробы негде ставить, или за нимфоманку – подумала она. Ну и пусть, мне все равно. Лишь бы был рядом...

– Я ничего не подумал... Я понял, что ты... что с тобой такое впервые.

– Вы что, читаете мысли?

– Нет, просто у меня было много женщин.

Ее обожгла ревность. И даже ненависть ко всем этим его женщинам, но тут же она сказала себе: я сдурела!

И вскочила, собрала свои вещички и ринулась в ванную. Наскоро приняв душ, она стала судорожно одеваться. Скорее бы он ушел. Хотя нет, он же пришел к Ниночке, хотел дождаться, наверное. Ну что ж, я неплохо скрасила ему часы

ожидания!

Она побежала на кухню и сунула пирог в неразогретую духовку.

И тут появился он, уже одетый, слегка осунувшийся, но глаза, ярко-синие, блестели непереносимо. И зубы. И весь он был какой-то... нездешний, немосковский.

– Ты не дашь мне что-нибудь съесть, а то я так проголодался.

Она молча открыла холодильник.

– Туся, скажи мне, а ты кто Ниночке? Подруга или соседка?

– Невестка, – отозвалась она, не глядя на него.

– Какая невестка?

– Обычная. Сноха.

– Жена Алексея?

– Ну да.

– А... Я понял. Ну что ж, мне пора.

Слава богу, подумала Туся.

– А Ниночку ждать не будете? Она скоро уже...

– Нет, у меня больше нет времени.

– А что ей передать?

– Да ничего не передавай! Особенно учитывая то, что случилось...

Она подняла на него глаза и вдруг безумно испугалась, что никогда больше его не увидит.

Он опять словно понял ее мысли.

– Я найду тебя.

– Но Ниночка спросит, от кого цветы.

– Скажи: прислали, а кто – неизвестно.

– Но как вас зовут?

– Вспомнила! – улыбнулся он, подошел, поцеловал в лоб. – Меня зовут... Александр.

– Саша...

– Все, я ушел!

И он исчез.

– Ну ни фиги себе! – вслух произнесла Туся.

Нина Михайловна вернулась со свидания сияющая, с букетом огромных чайных роз и с загадочной улыбкой.

– Тусечка, родная, прости, что я так задержалась! Бросила тут тебя одну... О, да ты сколько успела! Ничего, я сейчас подключусь, только вот розы поставлю...

– Да собственно, я почти все сделала. Осталось только накрыть на стол и разложить все по тарелкам.

– А гусь?

– Я все подготовила, но сажать в духовку еще рано.

– Да нет, не рано, он долго жарится. Яблоки не забыла?

– Ну что вы! И картошку уже почистила.

– Ты у меня чистое золото! Слушай, а откуда эти цветы?

– Прислали.

– Кто?

– Не знаю. Посмотрите, может, там карточка есть.

– А ты не смотрела?

– Нет.

– Я бы, наверное, не удержалась, – засмеялась Нина Михайловна, внимательно оглядывая букет.

– Это естественно. Вы свекровь.

– Дурная кровь?

– Вот уж нет!

– Записки нет, – наверное, какой-то поклонник. Во всяком случае, хотелось бы так думать.

– Мстислава Сергеевича вам мало?

– Ах боже мой, откуда я знаю... – зарделась Нина Михайловна. – Туська, ты только Лешке не рассказывай про эти дела. Не стоит.

– Даже не собираюсь.

– А то он еще скажет, что я плохо на тебя влияю.

С этими словами Нина Михайловна направилась напрямком в ванную комнату. Туся замерла.

– Туська, что ты сделала с зеркалом? Оно сверкает, как новое!

– Да ничего особенного, просто нашатырем протерла. А главное, там лампочка перегорела, я новую вкрутила. Стало светлее.

– А, поняла. Да, действительно.

– Слава тебе господи, подумала Туся.

Глава третья

Немного нежности

Отнюдь не исключается.

Из песен Б. Абарова

Домой они возвращались на такси. Алексей выпил, расслабился, и Нина Михайловна категорически запретила ему садиться за руль. Обычно в таких случаях он садился рядом с шофером, но сегодня сел с Тусей сзади и сразу полез обниматься.

– Лешка,пусти, с ума, что ли, сошел? – шептала она.

– Да, сошел. Ты сегодня такая... только спятить, – жарко шептал он в ответ. – Видела, как Натан Моисеевич на тебя смотрел? И Степка тоже.

– Глупости!

– Ничего не глупости. Ты у меня самая красивая... Я так хочу...

– Лешка, прекрати! – рассердилась она. – Потерпи до дома!

– Легко сказать!

А она не хотела. Боялась. Боялась сравнения не в пользу мужа. Боялась выдать себя.

Но, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Едва они вошли в квартиру, как раздался телефонный звонок.

– Алло! – рявкнул в трубку Алексей, но тут же осекся. – Да, да, понимаю. Сейчас, да, конечно!

– Кто? – одними губами спросила она.

– Да, разумеется, я сейчас буду. Ох, черт, я же без машины! Хорошо, жду!

– Что случилось?

– Черт знает что... Убили Гуркову.

– Как? Как убили? Почему? Кто?

– Откуда я знаю? Василиса ее нашла... Вызвала милицию и сразу дико испугалась, что ее обвинят... Мне звонил Никита. Надо туда поехать. Он сейчас меня заберет, и мы вместе... Девка в истерике бьется... Надо проследить, чтоб менты не очень лютовали, ну сама понимаешь...

Тут же в памяти всплыло разбитое зеркало. Неужто Алексею грозит опасность?

– Я с тобой!

– Это еще зачем?

– Я женщина, а Василиса там одна с кучей мужиков. Я могу пригодиться!

– Ладно, может, ты и права. Черт, плохо, что я пьяный...

И тут опять зазвонил телефон.

– Алло! – закричал Алексей. – Да? Ну слава богу. И на том спасибо. Уже легче.

– Что? Гуркова жива?

– Да нет, но Василису отпустили. Как говорится, баба с возу... Так что тебе там делать нечего.

– Лешка, ты хоть жвачку пожуй!

– Да при чем тут это! Я что, не имею права выпить в день рождения матери? – вдруг заорал он.

– Да имеешь, имеешь. Но я все равно поеду с тобой.

– Никуда ты не поедешь! Сиди дома, охота на труп посмотреть, никогда трупов не видела?

– Ты что, спятил?

– Спятишь тут! Сколько я говорил этой идиотке, чтобы не вязалась с криминалом, вот и допрыгалась...

Лена Гуркова работала в газете, главным редактором которой полтора года назад стал Алексей.

– А может, это не криминал? Может, ее убили из ревности?

– Из ревности? Ты с ума сошла. Ты ее морду видела?

– Морда ничего не значит...

– Ради бога, заткнись! У меня и так неприятностей полно, а теперь еще и это... Черт знает что...

– А тебе ее что, не жалко?

– Жалко, конечно, что за чушь! Но ей уже не поможешь...

Опять зазвонил телефон.

– Иду!

И, не простившись с женой, он выскочил на лестницу.

Туся никогда не видела Лену Гуркову, знало только, что она была талантлива и очень неуживчива. В редакции из-за ее дурного характера часто возникали конфликты, и однажды Алексей даже уволил ее, но, остыв, передумал. У нее

было талантливое, острое перо. Туся от души жалела ее. И боялась за Алексея. Хорошо еще, что Никита с ним. На Никиту можно положиться. Он преданный друг и соратник. Господи, почему все-таки разбилось зеркало? Может, не стоит верить в приметы? Сколько раз я не обращала внимания на черных кошек, и ничего плохого не случилось. Мало ли почему разбилось зеркало... Что-то где-то в доме сотряслось, а крепление давно ослабло... Или что-то еще... Но какое счастье, что незнакомец подвернулся... Да уж, он, видно, нигде не теряется. Тело помимо воли наполнилось теплом. Она опустила в кресло. И тут вдруг у нее мелькнула мысль: я что, переспала с любовником свекрови? Похоже на то... Он испугался, когда узнал, что я ее невестка... Или он просто друг? Тогда чего ему пугаться? Хотя все равно некрасиво с его стороны... Но что это было? Наваждение? Нет, это даже и вообразить себе невозможно... В каком-то старом фильме было нечто похожее. А, «Последнее танго в Париже». Там Марлон Брандо и Мария Шнайдер оказались вдвоем в пустой чужой квартире. Они не были знакомы, и их тоже бросило друг к другу... Правда, та история плохо кончилась. Героиня в конце концов убила героя. Но там была история, а тут никакой истории не предвидится. Жаль, с ним было так невероятно хорошо... Как никогда и ни с кем... А Лешка прав, я тоже заметила, как на меня смотрели сегодня все мужики... Но я так устала... Нет сил даже раздеться... И мне совсем, ни капельки не стыдно... Странно... Однако

не стыдно, и все тут! Это же не измена... Это так... Эпизод. Волшебный, волнующий, упоительный, но эпизод...

Она заснула, прикорнув на диване, не раздеваясь. И снилось ей что-то такое приятное...

– Тусь, ты что тут спишь? Вставай, смотри, что я принес! – сквозь дрему донесся до нее голос мужа. Но открывать глаза не хотелось, потому что сейчас он расскажет ей, как убили Лену, что там творилось и...

Но вдруг ее лица коснулось что-то мягкое, словно кисточкой мазнули по щеке. Она отрыла глаза. Над ней стоял муж и держал в руке котенка. Совсем маленького. Она вскочила.

– Туська, смотри, какой он милый. Я не мог его бросить.

– Лешик, какое чудо!

– Соседка сказала, что Ленка его купила за бешеные бабки. На, держи! Нравится?

Котенок был невероятный. Светло-палевый в аккуратную коричневую полоску, пушистенький, а ушки не торчали, как у обычных котят, а слегка свисали, так что головка казалась совсем круглой. Но главное, что у него были большие и горестные глаза. Казалось, он пережил трагедию и теперь нес на себе ее груз. Туся прижала его к груди, поцеловала в лобик.

– Его надо покормить, я сейчас! – Она бросилась в кухню, налила в блюдце молока, посадила котенка рядом с блюдцем, но он не стал лакать, а посмотрел на нее невозможными голубоватыми детскими глазами, в которых читалось непод-

дельное горе. – Леш, ну что там?

– Как ни дико, но это убийство на почве ревности. Видно, Ленка связалась с полным психом, он ее и пристукнул.

– Откуда это известно?

– А он сам явился...

– В милицию?

– Да нет, на место преступления. Увидел ментов и признался.

– Его арестовали?

– А что с ним еще делать?

– Но если он псих...

– Ну, вообще-то пока это мое предположение.

– А к кому он ее приревновал?

– Понятия не имею.

– А как котенка зовут, ты не спросил?

– Нет. Не до того было. Но он такой славный, давай назовем его Славой.

– Да ну... Мне не нравится. И потом, ты уверен, что это мальчик?

– Да, соседка там долго тархтела по поводу одинокого животного и называла его мальчиком. Он, кстати, жутко породистый. Бедная Ленка...

– Да уж... Лешка, ты голодный?

– Да ты что. Мне выпить надо.

– Леш, он молока не хочет...

– Давай назовем его на букву М.

– Почему?

– Видишь, у него на лобике буква М.

– Правда... Ишь какой милый.

Алексей взял котенка, посадил на ладонь.

– Знаешь, у наших соседей когда-то был кот. Его звали Мамзик. Давай его тоже назовем Мамзиком.

– Нет, мне не нравится.

– А по-моему, ему идет. Мамзик, а Мамзик?

Котенок вдруг вздохнул и свернулся калачиком прямо на ладони Алексея.

– Смотри, ему понравилось быть Мамзиком! – засмеялась Туся.

Алексей осторожно переложил котенка на диванную подушку.

– Ох, ну и ночка! Устал как собака, а поспать не удастся. Надо сделать заметку об этом убийстве, рассказать, как было, а не то поднимется шум. Начнут орать о политическом убийстве или еще о чем-то, а это обычная бытовуха. Бедная Ленка, такая способная, а жила так нелепо... Видела бы ты ее логово... Бомжатник, можно сказать. И вот еще котенка за четыреста баксов купила...

– Наверное, от одиночества...

– Но как выяснилось, у нее был мужик...

– А разве мужик спасение от одиночества?

Но Алексей уже не слышал этой фразы, он заснул, сидя на диване.

Туся сняла с него тапки, накрыла пледом. Пусть поспит так, не стоит его будить, а то он больше не заснет. Она взяла котенка и ушла в спальню.

– Мамзик, как ты думаешь, почему мне совсем не стыдно, а?

И тут ей стало стыдно, но не из-за внезапной близости с незнакомцем, а из-за того, что убили человека, случилась настоящая трагедия, а она все думает о том мужике. Господи, неужто я никогда больше с ним не встречусь?

Опасения Алексея подтвердились. В прессе поднялся шум. Многие знали Лену и просто не хотели верить в убийство на почве ревности. Алексея донимали вопросами, требовали интервью, кто-то уличал его во лжи, кто-то припомнил ему попытку увольнения Лены, а кто-то даже договорился до того, что именно он заказал ее. И хотя абсурдность этого обвинения была всем очевидна, но нервов все это стоило немалых. Алексей был раздражен, зол и почти не бывал дома. А Туся, привычная к его весьма нервной работе, боялась только как бы Алексей не перенес свое раздражение на котенка, которого она полюбила с неистовой страстью. Никогда раньше она не интересовалась кошками, была к ним вполне равнодушна, хотя еще в хореографическом училище танцевала кошку в каком-то детском балете и ее хвалили. Но сейчас она просыпалась и засыпала с заботой о нем. Где он, чем его накормить, не холодно ли ему. Она даже разговари-

вала с ним, а он смотрел на нее круглыми горестными глазами, с каждым днем терявшими детскую голубизну. Он любил сидеть у нее на плече, а стоило ей сделать неосторожное движение, как он вцеплялся ей в кожу, чтобы не свалиться. Плечо было все в мелких царапинах, а она только умилялась. Однажды соседка, увидев, как Мамзик пристроился у нее на плече, резонно заметила:

– Туся, а что будет, когда он вырастет? Он же вымахает в здорового котяру. Ты не сможешь его таскать так, а он ведь привыкнет.

– Ничего, выдержу, своя ноша не тянет, – с глуповато-блаженной улыбкой отвечала Туся.

– Туська, я приехала! – возвестила по телефону подруга Аля. – Срочно нужно повидаться, есть важнючий разговор! И вообще, я соскучилась. Новости есть?

– Да, есть!

– Когда увидимся?

– Да хоть сейчас! Приезжай!

– А Лешка на работе?

– Спрашиваешь! Я его почти не вижу, тут такая история...

– Хорошо, через час буду! – весьма деловито заявила Алька.

Слава богу! – обрадовалась Туся. Алька, наверное, единственный человек на свете, которому можно рассказать о таинственном незнакомце. Она поймет, не осудит, ей это даже

понравится... Она немного авантюристка. И похоже, сейчас готова пуститься в новую авантюру...

Подруги давно не виделись. Аля с мужем жила полгода в Марокко. У него там был какой-то бизнес.

– Тусенька, родненькая! Привет, как же я соскучилась!

– Алька, тебя не узнать, так загорела! Просто арабка стала! Но тебе идет! Ой, я тоже так соскучилась!

– Господи, что это у тебя тут ходит?

– Не что, а кто! Это мой Мамзик.

– А что у него с ушами?

– Порода такая. Скотиш-фолд называется.

– Породистый? Небось купила за бешеные деньги? Лучше бы уличного подобрала... Благороднее!

– Ну, этого мы, в общем, тоже подобрали... – Туся в двух словах рассказала историю появления в их доме Мамзика.

– Это дело другое. Это я одобряю! Слушай, у тебя селедки нет? Я так хочу селедки?

– Беременная?

– Еще не хватало! Просто не ела ее давно. Там есть селедка, но не такая... Фу! Ой, Туська, я тут тебе подарок привезла, гляди, красота какая!

И она жестом фокусника вытащила из пакета кусок какой-то полупрозрачной дымно-лиловой ткани, на поверку оказавшейся огромным восточным платком.

– Как красиво! Там это носят?

– Конечно! Я с трудом нашла без блесток и всякой мишу-

ры, знаю, ты не любишь. Слушай, тебе идет! Из этого на тебя даже платье выйдет. Ты же сама можешь сшить...

– Ох, я уж и не помню, когда шила...

– Подруга, у меня к тебе очень-очень важное дело!

– Слушаю тебя!

– Я решила уйти от Владьки.

– С чего это?

– Надоел!

– А к кому-то или так?

– Так.

– И чем я могу помочь?

– Многим, подруга, многим. Понимаешь, я не хочу в никуда. А он мне, конечно, ничего не даст. И единственное, что у меня есть, – это полразвалюхи под Тулой. Во второй половине живет мой дядька. Он золотой мужик, но жить там – это смертушка.

Туся недоумевала, чего от нее ждет подруга.

– Короче, я задумала одно дело... Рассказывать о нем никому не хочу, только тебе.

– Надеюсь, ты не собираешься... заказать Владика?

– Это было бы самое лучшее, но, к сожалению, я напичкана всякими моральными принципами и устоями. Я пока от него даже не уйду. Но буду готовить себе условия...

– Что? – не поняла Туся.

– Я хочу, чтобы мне было куда и с чем уйти. Ради этого я готова потерпеть годик-другой.

– Но я-то что могу?

– Ты можешь стать моим компаньоном. Кстати, в твоей ситуации я бы тоже не сидела сложа руки.

– То есть?

– А вдруг у Лешки заведется какая-нибудь молодая? Или вообще он тебе надоест или ты ему? Я же знаю, ты уйдешь с пустыми руками. Но у тебя хотя бы есть квартирка. Разве такое можно исключить?

– Нельзя, – грустно покачала головой Туся.

– Ну так вот, я предлагаю начать свое дело...

– Какое дело? – вытаращила глаза Туся.

– Бизнес, тебе так понятнее?

– Какой бизнес? Мы ж ничего не умеем!

– Не боги абажуры шьют!

– Это что, новое выражение?

– Нет. Я хочу делать абажуры. Понимаешь, я все думала, думала, что бы мне подошло, только потому и выдержала в Марокко.

– Терпеть не могу марокканские мандарины... – задумчиво проговорила Туся.

– Узнаю любимую подругу! Вечно что-то ляпнешь невпопад! Хрен с ними, с мандаринами. Так вот, я, вернувшись оттуда, поехала к дядьке под Тулу. Стала разбираться на своей половине и вдруг нашла два старых абажура, собственно, просто два каркаса. И меня как что-то стукнуло. Я повертела их, покрутила и попробовала что-то с ними сделать. Нашла

старый платок, каркас бинтом обмотала... Короче, получил-ся абажур. Кривенький, конечно, косенький, но сил нет, какой красивый!

– Ты ненормальная, Алька! Кому сейчас нужны эти самоделки? И что на них можно заработать?

– То-то и оно, что можно, особенно с твоими руками... Я поговорила с одним знакомым, у него мебельный салон. И он сказал, что, если это будет аккуратно сделано, он попробует выставить абажур на продажу...

– Один абажур?

– Лиха беда начало! Я, например, помню: у моей тетки была старинная лампа, дорогушая, антикварная, но без абажура. Она эту лампу в шкафу держала. А потом случайно нашла на помойке каркас, и ей ее шляпница обтянула его шелковым платком, который тетка из загранки привезла.

– Так это еще до перестройки было, тогда ничего нельзя было купить, а сейчас...

– Сейчас, конечно, многое можно купить, но не все... Туська, ну давай попробуем!

– Попробовать можно, но заработать на квартиру – это вряд ли...

– Ты ничего не понимаешь! Мы ж не с улицы придем! Жоржик поможет, посодействует... Снимут наши абажуры для какого-нибудь журнала, для «Табурета» например... И вскоре станет престижно заказывать абажуры у нас.

Туся смотрела на подругу с изумлением, но мало-помалу

Алькин энтузиазм стал передаваться и ей.

– Попробовать можно! Чем черт не шутит!

– Твоя квартира свободна?

– Нет, мы ее сдаем.

– Жалко, там можно было бы устроить мастерскую. А дядя Валя будет делать нам любые каркасы. У него проволоки полный сарай. Натаскал в свое время отходов производства. А руки у него золотые.

– Это что же, за каждым абажуром в Тулу ездить?

– Зачем? Наберем заказов, сделаем чертежи и отвезем.

– Аль, ты в своем уме вообще-то? Наберем заказов... Да это же только мечты...

– Пока! Пока мечты. Но я убеждена, что они воплотятся в жизнь! Ну давай попробуем, по крайней мере... Кстати, Лешка может нам протекцию оказать. Статью какую-нибудь тиснет, фотографию... Связи у него тоже будь здоров!

Они еще долго обсуждали безумную Алькину затею. И вдруг кто-то ей позвонил. Ответив, она просияла так, что Туся решила, что звонит по меньшей мере страстно любимый мужчина.

– Туська, это невероятно! Но звонил Егор!

– Какой Егор?

– Ну тот мужик, хозяин салона, Жоржик! Ему в руки попала лампа карельской березы с черным деревом. И без абажура! Он вспомнил обо мне и сказал, чтобы я срочно приехала и посмотрела! Если у нас получится...

Они взлетели на обледенелое крыльцо мебельного салона, с трудом удержавшись на ногах.

– А почему вывески нет?

– На хрена ему вывеска? – Аля нашла кнопку звонка. – К нему клиентура с улицы не ходит.

– Кто? – раздался голос из решеточки со звонком.

– Жорка, свои!

Дверь открылась, и они спустились в полуподвал по устланной ковром лестнице. Там все оказалось очень шикарно. Навстречу им, раскинув приветственно руки, шел мужчина лет сорока. Длинные шелковистые волосы, тонкое лицо, бархатная блуза винного цвета и красиво повязанный пестрый шелковый шарф. При виде Туси он замер.

– Боже мой, кто это? – Он восторженно закатил глаза.

Туся смутилась.

– Это моя подруга и компаньонка, Наталья Чельшева!

– Она что, балерина?

– Бывшая. У нее золотые руки! Показывай давай лампу!

А то у нас еще одна деловая встреча!

Жоржик весьма скептически улыбнулся.

– Туся, это Жоржик, – спохватилась Аля.

– Не Жоржик, а Егор, – строго поправил ее хозяин салона. – И вообще, забудь ты это детское прозвище. Я Егор!

– Егор? Ну фиг с тобой, Егорушка! Показывай товар!

– Идемте ко мне!

Он завел их в маленький кабинет, тоже весьма изысканно

обставленный. И достал из шкафа лампу.

– Вот! Это, конечно, не бог весть какая старина, но все-таки, вероятно, начало двадцатого века. Видите, какой лаконизм, скупость выразительных средств и в то же время элегантность. Потянете?

Лампа представляла собой довольно высокий столбик из потемневшей от времени карельской березы, стоявшей на почти плоской пирамиде, по периметру украшенной скромным узором из черного дерева.

– Ну как?

– Красотища! – воскликнула Аля.

– А вы что скажете, фея?

Туся зарделась.

– Надо подумать! – пролепетала она.

– И сколько вам надо на думанье?

– Ну, недельку...

– Недельку на думанье, а на работу?

– Еще недельку! – заявила Аля. – Короче, две недели.

– Не быстро!

– Ну, это для начала...

– Ладно, пусть. Сделаете раньше – хорошо, а если опоздаете... Да, кстати, с вас двести баксов.

– За что? – ахнула Аля.

– В залог. Лампа ведь денег стоит. А вдруг вы ее сломаете или потеряете? Я, конечно, беру с вас куда меньше ее истинной стоимости – просто по старой дружбе.

Женщины переглянулись и одновременно полезли в сумки.

– Татьяна, упакуй! – крикнул Егор, принимая деньги. – Девочки, не обижайтесь. Бизнес есть бизнес.

– Хорошо. Тогда ты выдай нам расписку.

– Расписку? Какую расписку? – безмерно удивился Егор.

– Обычную, что ты взял у нас в долг двести долларов.

– Побойся Бога, Аля!

– Да при чем тут Бог? Ты с нас залог берешь. А вдруг ты при расчете про эти бабки забудешь? Так мы напомним. И вообще я не дам себя объегорить!

Туся фыркнула, а за дверью раздался смех.

– Я тебя когда-нибудь объегоривал? – побагровел он.

– Нет, но раньше ты и Егором не был.

– Черт с тобой!

И он написал расписку.

– Вот и славно. Деловые отношения не терпят сантиментов! – заявила Аля, складывая расписку.

Тут им принесли аккуратно упакованную лампу, они попрощались и ушли.

– Черт, неужели нельзя в нашем климате делать ступени из чего-то менее скользкого?

– Или хоть положить что-то на крыльце, коврик какой-нибудь, – поддержала подругу Туся. – На каблуках вообще жуть!

Наконец они добрались до Алиной машины. Осторожно

положили лампу на заднее сиденье.

- Ну, подруга, по-моему, этот заказ надо обмыть!
- Не рано?
- В самый раз!
- Поехали ко мне!
- А у тебя есть что-нибудь вкусненькое?
- Найду!
- А Лешка не явится поломать нам кайф?
- Нет, он поздно возвращается.

Глава четвертая

Человечество – странная штука
Из песен Б. Абарова

Они сидели на кухне, и Аля рассказывала подруге, как она устала от семейной жизни, как надоел ей муж и как она рада, что у них нет детей.

– Как подумаю, что ребенок был бы похож на этого кретина...

– Слушай, что ты на него взъелась? Совсем он не кретин, твой Влад. Очень даже умный и ушлый.

– Не могу... Обрыд он мне... Больше всего зависимость от него обрыдла. А уж в постели как он мне осточертел. – Она вдруг затынула дурным голосом: – Любимый Владик может спать спокойно, обрыдший х..., мохнатый зад, дурацкий взгляд!

Туся фыркнула.

– Ну завела бы себе любовника, и дело с концом.

– Пробовала.

– И что?

– Не помогает. Туська, а как у тебя с этим делом?

– Нормально, – ответила Туся, она не умела говорить на эти темы. Но держать свою тайну всегда при себе тоже было невыносимо. И она рассказала подруге все.

– Ты молодчина, Туська, я от тебя не ожидала! Вот прямо с порога и дала?

– Прямо с порога, – тяжело вздохнула Туся.

– Что, вот сразу так захотелось?

– Не помню. Просто я вдруг поняла, что не могу иначе...

– Кайф! А тебе понравилось?

– Не то слово!

– А если б опять с ним встретилась?

– Даже думать боюсь!

– Ты о нем вспоминаешь?

– Да. Очень часто.

– И что?

– Голова кругом идет. И ноги дрожат. И живот начинает болеть... – хриплым шепотом призналась Туся. – Но больше всего меня мучает мысль, что он Ниночкин любовник. Он так испугался, когда узнал, что я ее невестка.

– А ты пробовала ее о нем расспросить?

– Ну что ты! Я боялась себя выдать!

– А какой он?

– В каком смысле?

– Ну рост, цвет глаз, возраст?

– Лет пятьдесят, наверное, крупный, волосы с проседью.

Смуглый, глаза синие.

– Красивый?

– Я не знаю... Мне кажется, что я могла бы и не узнать его на улице... И я даже не знаю, как его зовут... Он сказал, что

Саша, но, по-моему, соврал с перепугу.

– Знаешь, ты лучше выкинь его из головы.

– Стараюсь, пока не выходит.

– Он лучше, чем Митчел?

– В сто тысяч раз! – твердо заявила Туся. – Кажется, Лешка идет.

– О, девушки, вы тут что, пьянствуете вдвоем? Привет, Алька!

– Привет, Леха!

– Давно вернулись? А Влад где?

– В Караганде! – буркнула Аля.

– Поссорились?

– Да нет, я так...

– Сидите тут небось и косточки нам с Владом перемыва-ете?

– Очень нужно! У нас темы поинтереснее есть, – передернула плечами Аля.

– Я помешал?

– Да ты что, Лешик! Есть хочешь? – засуетилась Туся.

– Нет, я поел.

– Где?

– В редакции, где же еще. Пойду поработаю. Не буду вам мешать.

Он ушел.

– Придется сменить тему, – с сожалением прошептала Аля, – а то увлечемся, а он подслушает...

После рассказа о незнакомце Тусе нисколько не стало легче. Даже наоборот. Все вспомнилось так ярко и живо, что хоть на стенку лезь. Но тут позвонила свекровь и таинственным шепотом сообщила, что традиционная встреча Нового года отменяется.

– Мы с Мстиславом Сергеевичем решили на Новый год съездить в Ригу. У нас обоих столько связано с этим городом...

– Здорово! – довольно вяло отозвалась невестка.

– Ты чего куksiшься? Опять эта сучонка звонила?

– Да нет, она больше не звонит. Я просто устала.

– А Лешка дома?

– Да, работает. Позвать?

– Не стоит. Тусь, а вы где будете встречать?

– Еще не думала. Я ж только что узнала...

– Тусечка, милая, не обижайся! Но в моем возрасте пренебречь такой возможностью было бы глупо...

– Да боже сохрани! Не беспокойтесь, что-нибудь сообразим, а лучше всего вдвоем встретить, дома... – Ей вдруг показалось это заманчивым.

– Вдвоем – это прекрасная мысль. Это освежает чувства, это так романтично. И Лешка по крайней мере не напьется...

– Нина Михайловна, побойтесь Бога, он очень редко напивается! – вступилась она за мужа. – У меня только вопрос: вы сами Лешке скажете, что уезжаете?

– Скажу, в чем проблема? Мы не вмешиваемся в личную жизнь друг друга. Вот что, позови его, чтоб он потом не упрекал меня, что я его не предупредила...

– Это хорошая мысль! Леша, тебя мама!

– Иду!

Она ушла в спальню, а Алексей довольно долго беседовал с матерью.

– Как тебе это нравится? – возник он на пороге. – Ну мать, сильна старушка!

– С ума сошел? Какая ж она старушка!

– Да вообще-то нет, но для таких штучек все-таки явно устарела. Но я даже восхищаюсь... А что с Новым годом-то делать будем? Куда двинем?

– А давай вдвоем встретим, дома? Хоть не устанем до полусмерти, а?

– Вдвоем? – без особого энтузиазма отозвался муж. – Можно!

У нее оборвалось сердце. Он не хочет... Ему скучно вдвоем со старой кошелкой...

– Если у тебя есть другие идеи, я готова их рассмотреть.

– Никиту можно позвать с девушкой... Или заказать столик где-нибудь.

– А если уехать куда-то?

– Да ты что! А новогодний номер? Я должен все видеть сам. А то под праздник сотруднички такого навалиют... О работе уже никто не думает!

– Ладно, я готова просто лечь спать.

– Ты обиделась? – насторожился он.

– Ничего я не обиделась. Просто мои предложения ты отвергаешь, а сам ничего предложить не можешь. Поэтому закрываем тему. Спокойной ночи, я устала.

Она легла, завернувшись в одеяло, и потушила ночник, в полной уверенности, что сейчас он будет просить прощения, целовать и обнимать ее, но он просто сказал: «Ага, спи!» – и вышел из спальни. У него кто-то есть. Я ему уже не интересна... всхлипнула она. Но и у меня кто-то есть... Сейчас ей показалось, что незнакомец обязательно найдет ее, как обещал. И для него я вовсе не старая кошелка. И не калоша. И вряд ли он в таком возрасте кидается на всех встречаемых женщин. Но он явно знает в них толк, а я произвела на него впечатление... Черт побери, я с молодым мужем забыла, что умела производить впечатление и не на таких... И пусть Митчел Мак-Лейн не бог весть какой любовник, вернее, даже совсем никакой, да и человек не ахти, но все равно он звезда, настоящая голливудская звезда... И влюбился в меня с первого взгляда и добивался долго... Лешка тоже долго добивался. А этот просто руку протянул... Нет, как вовремя появилась Алька со своей идеей подготовки запасного аэродрома...

Чтобы поддерживать себя в форме, Алексей дважды в неделю ходил в бассейн. До работы.

– Леш, я хочу сегодня к Реджинальдовне съездить.

– Съезди, в чем проблема?

– Да ни в чем! Ты меня до метро подбрось, ладно?

– Подброшу, не вопрос. Только ты будь готова минут через двадцать, а то я опоздаю. А чего это ты в такую рань к ней собралась?

– Да пока доеду... И от станции еще идти. Да и возвращаться в темноте неохота.

– Тоже правильно. Да, кстати, я вчера с Никитой говорил насчет Нового года.

– И что?

– Он приглашает к ним на дачу. По-моему, неплохо за городом встретить, а?

– Как хочешь...

– Значит, решено!

Она ничего не ответила. От обиды внутри все заболело. А я ведь с самого начала это предвидела. Я не хотела выходить за него... Я ждала и вот дождалась. Он ко мне равнодушен, ему плевать на меня и мои жалкие попытки что-то вернуть. Ну да ничего. У меня есть своя квартира. Ей стало нестерпимо жалко новой квартиры, в устройство которой она вложила всю душу... Ну и черт с ней, я теперь многое знаю и умею. Сделаю себе маленькое уютное гнездышко, где мы с Мамзиком будем жить. Лешка деньги за квартиру благородно не брал, говорил, что это на черный день. Можно считать, что он для меня настал. И я буду делать абажуры. А мне ведь,

в сущности, немного надо. Я прекрасно шью, тряпок у меня кучи, я долго продержусь... И я еще не такая старая, я найду себе мужчину...

– Леш, знаешь, я не успею, я сама доберусь, ты езжай!

– А? Что? Ладно. Извини, не могу ждать!

Ей не хотелось садиться с ним в машину.

Татьяна Реджинальдовна дружила еще с Тусиной бабушкой. Ей шел уже девятый десяток, но об этом нельзя было догадаться. Подтянутая, аккуратная, с прямой спиной. Она постоянно жила за городом вдвоем с домработницей Антониной Панкратовной. Сын Татьяны Реджинальдовны, крупный финансист, когда-то в молодые годы ухаживал за Тусиной матерью. Туся бывала у старухи нечасто, но очень ее любила. И знала, что ей всегда будут рады. Татьяна Реджинальдовна отличалась тем, что хранила в больших тяжелых сундуках массу шикарных вечерних платьев и театральных костюмов. В свое время она пела в знаменитой Свердловской оперетте, была красавицей и сердцежкой. И обожала, рассказывая что-то о своей бурной молодости, подкрепить рассказ «наглядным пособием», как называла это Туся.

– Антоша! Достань мое черное с перьями! – говорила она Антонине Панкратовне, и та с превеликой охотой кидалась с сундукам. Когда Туся завела роман с Мак-Лейном, ей нечего было надеть на грандиозную тусовку в Кремле, куда он ее пригласил, а сшить платье было не из чего, она обратилась к

Татьяне Реджинальдовне, и та открыла перед ней свои сундуки. С каким азартом старая женщина выбирала для нее туалет! Они даже чуть не поругались. Татьяна требовала, чтобы она взяла синее в блестках платье, а Туся буквально вцепилась в черное с украшениями из страусовых перьев. Перья, правда, выглядели весьма непрезентабельно, но зато сохранилось боа, на удивление хорошо выглядевшее.

– И что, ты хочешь пустить это боа на платье? – испугалась сначала Татьяна Реджинальдовна.

– Ну да, а то что же, скоро и оно превратится в такую же рухлядь, – поддержала Тусю Антонина Панкратовна. – А так платье будет как новое.

– Ладно, бери!

– Вы не думайте, я платье верну!

– Разумеется, вернешь!

– Татьяна Ренальдовна, ну на кой оно тебе? – вмешалась Панкратовна («джи» она всегда пропускала). – Пусть у девочки останется. Ей хороводиться надо, а тебе куда? В могилу заберешь?

– Но это память...

– Пока память в голове есть, и так помнишь, а как склероз-то все выест, так все равно не вспомнишь.

– Пожалуй, ты права, Антоша. Бери, деточка, только обязательно покажись мне в нем!

И вот теперь Туся рассчитывала, что Татьяна Реджинальдовна отдаст ей одну юбку, подол которой был украшен

несколькими рядами бронзовой бахромы. В этой юбке Татьяна Лавринская пела когда-то Нинон в «Фиалке Монмартра». Карамболина-карамболетта! Туся уже видела эту бахрому на золотистом шелковом абажуре к лампе из карельской березы.

Как хорошо за городом! В Москве грязь и слякоть, а тут все бело. Подходя к даче, она вдруг испугалась. Уже месяца два она не навещала старуху, а в таком возрасте всякое может случиться. Но, с другой стороны, ей бы кто-нибудь позвонил... Телефона на даче не было, Татьяна почему-то не желала его проводить. Правда, сын купил ей мобильник, но она отказывалась им пользоваться и практически никогда не включала.

– Если у меня будет телефон, ты никогда не выберешься к матери, да и другие тоже, – говорила она сыну, – а так я по крайней мере точно знаю, кому до меня есть дело. А если придет пора помирать, Антошка к соседям сбегает позвонить.

Туся подошла к калитке. Снег расчищен, на крыльце сидит мохнатый Бонька и никак не реагирует на появление гости.

– Бонечка! – крикнула Туся.

Пес встрепенулся и довольно лениво потрусил навстречу.

– Совсем старый стал, уже и не лаешь?

Он ткнулся носом ей в колени, завилял хвостом.

Вот тут мне хорошо, тут я чувствую себя просто девоч-

кой. Она поднялась на крыльцо, смахнула веничком снег с ботинок и позвонила.

Дверь открыли быстро.

– Антонина Панкратовна, здравствуйте!

– О, Туся приехала! Заходи, заходи, Татьяна рада будет, на днях тебя поминала!

Они расцеловались.

– Я вот тут пастилы свежей привезла...

– Умничка, а то Сергей Леонидович всегда забывает.

– Антоша, кто там пришел? – раздался звонкий голос хозяйки дома.

– Туся пожаловала!

Татьяна Реджинальдовна поспешила навстречу госте.

– Деточка, как я рада! Давненько ты не была!

Тусе стало стыдно, что вспомнила о старухе только из-за бахромы, и поняла, что просто не сможет в этот раз попросить о чем-то.

Старуха выглядела великолепно.

– Татьяна Реджинальдовна, да вы просто цветете!

– Спасибо, детка. А вот у тебя вид что-то унылый. С муженьком проблемы?

– Да как вам сказать...

– Скажи как есть.

– Хочу уйти от него.

Хозяйка дома звонко, молодо рассмеялась.

– У меня такое впечатление, что эта мысль сидит в тво-

ей прелестной головке чуть ли не со свадьбы и лишь теперь ты ее, как нынче выражаются, «озвучила»? Кстати, я смотрю телевизор и прихожу в ужас, как теперь говорят! Чему учат детей? Что это такое «будем лопать пузырями»? Я в первый раз ушам своим не поверила! Выходит, все нынешние дети усвоят этот кошмар? Ты голодна, Туся?

– Нет, пока не голодна.

– А ты надолго?

– Не очень. Хочу вернуться засветло.

– Ты на электричке?

– Конечно.

– Знаешь, когда я была молодая, у нас собирались ставить одну оперетту местных авторов, где я играла роль девушки, мечтой которой было что бы ты подумала?

– Понятия не имею! – улыбнулась Туся.

– Она мечтала стать машинистом на паровозе! И я пела там такую арию: «На паровозе-возе-возе, возе-возе, умчусь я завтра в сверкающую даль!»

– И умчались? – рассмеялась Туся.

– Да нет, там дальше говорилось: «Жила я раньше в родном колхозе, а нынче прошлого ничуть не жаль!» Но кто-то в горотделе культуре смекнул, что этой арией мы призываем мчаться вдаль от родного колхоза, что было несвоевременно и все в таком духе.

– Что, спектакль сняли?

– К счастью, да, сняли, даже до генеральной. Восторгу на-

шему не было предела. А поскольку премьера нового спектакля была в плане, пришлось срочно восстанавливать «Филку Монмартра».

Юбка с бахромой, вспомнила Туся. Но у нее не повернулся язык.

– Ах, как я любила этот спектакль! Карамболина-карамболетта! Это был мой коронный номер! Как я танцевала! Помню, перед премьерой у меня начались всякие страхи, кураж пропал, и вдруг мне мой партнер говорит (а он меня безумно любил): «Танечка, ты не бойся, просто как выйдешь на сцену, вспомни, что ты поешь „Карамболину“ вместо „На паровозе-возе“, и такой у тебя кураж появится! И ведь гениальный совет оказался. Я с таким огоньком это спела и танцевала, что публика едва не разнесла театр! Ну, разумеется, любовь к партнеру тоже свое дело сделала. Тогда о сексуальности и думать нельзя было, да мы и слов таких не знали, но суть-то от этого не меняется, а в оперетте еще можно было и юбками взмахнуть, и ножки показать... Антоша, принеси-ка юбку Нинон!

Туся замерла.

– Ой, Татьяна Ренальдовна, да ты ей эту юбку сколько раз показывала!

– Ничего, я сама посмотреть хочу!

– Ох, грехи наши тяжкие, о душе думать пора, а она все вспоминает, как ноги задирала! – проворчала Антоша.

– Она такая ворчунья стала, стареет, видно, а сама еще

молодка, всего семьдесят пять! Так о чем это мы? – блестя глазами, спросила старая актриса.

– О «Фиалке Монмартра».

– Да нет, голубка моя, не о «Фиалке». Думаешь, у меня маразм? Ты сказала, что хочешь от мужа уйти?

– Да.

– Загулял?

– Не то чтобы...

– Подозрения появились?

– Да я не знаю... Просто мне кажется, что он меня больше не любит.

– А ты сама-то любишь его?

– Татьяна Реджинальдовна, я вам давно еще говорила, что меня мучает разница в возрасте, и чем дальше, тем хуже будет. Может, я все себе и придумываю, но... Не хочу оказаться брошенной ради молодой девчонки. Мне вот одно дело предложили... Попробовать хочу.

Тут появилась Антоша с пакетом в руках.

– На вот, Ренальдовна, держи свои юбки.

Татьяна Реджинальдовна вытащила из пакета коричневато-золотистую юбку и, кокетливо поводя плечами, взмахнула ею, и тут у всех трех женщин одновременно вырвался вопль ужаса. Юбка буквально распалась в руках бывшей опереточной дивы.

– Что это, Антоша? – простонала она. – Моль?

– Да нет, откуда моль? Видать, срок ее вышел. Вон, глянь-

ка, у швов все посекалось... Да чего удивляться-то, в театре небось из дерьма всякого шили, и то сказать, сколько лет продержалась... теперь только выкинуть.

– Ой нет, не выкидывайте! – взмолилась Туся. – Отдайте мне бахрому!

– Да тебе-то на кой? – удивилась Антоша. – Сейчас, что ли, модно?

Туся объяснила, зачем ей бахрома.

– Нет, пусть хоть бахрома на память останется... – огорченно проговорила Татьяна Реджинальдовна.

– Ой, Ренальдовна, тебе-то на кой? Девке для дела надо, ну коли так охота на память оставить, так отрежь кусочек и любуйся, а остальное ей отдай! А кстати, хорошо бы все твое добро пересмотреть. Может, ей еще чего сгодится! Глядишь, и твое тряпье кому-то на пользу пойдет. А так чего лежит? В могилу с собой заберешь? Да и мне лишние хлопоты. Все равно Сергей Леонидович, как помрешь, в помойку выкинет.

– Когда помру, тогда пусть... – упрямо заявила Татьяна Реджинальдовна. – Тогда все равно, а пока...

– Ну и зря! Ладно, вы тут попейте чайку, а я пойду погляжу, не надо ли еще чего выкинуть.

– Вот ей бы все выкинуть... А ты, Туся, свои костюмы не хранишь?

– Откуда у меня костюмы? Сроду своих не было, а из театра никто не даст, да и зачем? Мне не надо.

– Это потому, что ты свое театральное прошлое не це-

нишь, не любишь, а для меня в театре была вся жизнь. Больше театра я, наверное, только сына любила. Да и то не всегда.

– А я – нет. Там столько зависти было, столько злобы...

– Ну, милая моя, конечно, если у балерины не первого ранга – ты уж прости – вдруг в любовниках голливудская звезда оказывается...

– А вы думаете, балеринам первого ранга гадостей не делают?

– Почему же, делают... И все равно. Театр надо любить всем своим существом, тогда и он тебе взаимностью платит.

– Да нет, театр взаимностью платит только очень талантливым, а у меня таланта как раз и не было... Так, способности да прилежание...

– Ерунда! Ты же прекрасно училась, тебе большое будущее прочили... Куража у тебя не было, вот в чем беда. А без куража в театре делать нечего. Это мать твоя виновата, прости господи, нельзя о мертвых плохо говорить. Но это она вбила себе в башку, что ты должна стать балериной. Ну да ладно, чего уж теперь... ты вот что, если от мужа вздумаешь уйти, переселяйся ко мне. Я рада буду. С тобой веселее. И вспомнить прошлое можно, и жизни поучить. Или у тебя есть к кому уйти? У такой сексапиловочки наверняка поклонников куча, я не права?

– Нет, не правы. Я в последнее время что-то дома закопалась, нигде почти не бываю. Лешка как стал главным редактором, занят страшно, а куда я без него? Если и бываю где-

то, то чаще всего с Ниночкой.

– Твои отношения со свекровью – это что-то не совсем нормальное. Это почти извращение!

– Да бог с вами, Татьяна Реджинальдовна! – засмеялась Туся. – Ниночка золотой человек.

– Не знаю, не знаю. Но имей в виду, пока я жива, этот дом в твоём распоряжении. Можешь тут даже свои абажуры мастерить.

В этот момент в дверях возникла Антоша, потрясая каким-то куском материи.

– Ну что я говорила! Жучок завелся! Глянь, глянь, Ренальдовна, вона накидушка твоя из «Сильвы» во что превратилась? Труха одна. Скоро весь дом сгноим, все жучок пожрет...

– Дай сюда! – потребовала хозяйка.

– На, полюбуйся! На свет, на свет смотри!

Накидка и впрямь была в плачевном состоянии. Татьяна Реджинальдовна картинно прижала ее к груди, и глаза ее наполнились слезами. Однако Туся была уверена, что старуха все сыграла.

– А знаешь, что я в этой накидке пела?

– Да знаем, знаем, про кусочек черта! – сварливо отозвалась Антоша.

– Не кусочек, а частицу! Частица черта в нас заключена подчас... И сила женских чар родит в груди пожар... Ах, «Сильва», это был такой успех... А какой у меня был Эдвин

однажды! К нам приезжал гастролер из Ленинграда. Забыла его фамилию, он рано умер... Трагическая судьба, но он был красив как бог! Ладно, выкинь эту тряпочку... «Сильву» я и так не забуду!

– А если еще что найду, все тебе тащить?

– Да нет, к чему... Говорят, вещи долговечнее человека, а я их пережила...

– Так то вещи, а это тряпье театральное, мусор один, вон у меня пальто ратиновое еще с пятьдесят пятого года, ничего ему не делается!

Туся еще посидела, поговорила со старухой, а потом собралась домой.

– Так ты помни: если что – добро пожаловать! И не вздумай жильцов из квартиры турнуть, пусть живут и платят, а ты сюда...

– Спасибо, спасибо вам, только я сама еще ничего не знаю.

Они нежно обнялись и расцеловались на прощание. Потом Туся заглянула на кухню попрощаться с Антошей.

– Ты у калитки сумку найдешь, с собой заberi, я там тебе тряпочек набрала, авось пригодятся!

– Каких тряпочек? – искренне не поняла Туся.

– Да из сундуков-то. С отделками, сгодится тебе.

– Но мне неудобно...

– Чего неудобно? Все равно на помойку пойдет! Бери-бери!

Сумка оказалась объемистой, но не тяжелой. В электричке Туся заглянула внутрь. Чего там только не было! И все же она пребывала в смущении. Хотя вполне разделяла точку зрения Антоши.

С вокзала она взяла такси – тащиться с такой сумкой в метро не хотелось. Но въезжать во двор не стала. Противная тетка с первого этажа всякий раз, когда она приезжала на такси, считала своим долгом отчитать ее за расточительность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.